
М. Б. ЩУКИН

**ФИБУЛЫ ТИПА «АЛЕЗИЯ» ИЗ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ
И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РИМСКО-ВАРВАРСКИХ КОНТАКТОВ
НА РУБЕЖЕ НАШЕЙ ЭРЫ**

Памяти В. П. Петрова

В предвоенные годы по инициативе и под руководством В. П. Петрова коллектив археологов Украины подготовил материал к фундаментальному корпусу «Памятники культуры „полей погребений“ последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры на территории УССР». Задачей этого многотомного издания являлась полная публикация и интерпретация древностей латенской и римской эпох, среди которых основное место занимали зарубинецкие и черняховские памятники лесостепной Украины. К началу 1941 г. был отредактирован и подготовлен к печати первый том корпуса, посвященный общим проблемам исследования указанных древностей, картографированию памятников, а также публикации коллекций Киевского государственного исторического музея (КГИМ). Помимо статьи С. В. Коршенко о Черняховском могильнике корпус включал серию статей о материалах из раскопок и сборов в окрестностях различных пунктов Среднего Поднепровья, в том числе и сделанное В. П. Петровым описание обширной коллекции фибул латенского и римского времени, иллюстрированное рисунками и фотографиями более чем 300 предметов (Научный архив ИА АН УССР, ф. 12, № 40—48; ф. 16, № 33, 34, 53, 60, 85).

Часть этой коллекции и поныне хранится в КГИМ, но многие уникальные предметы во время войны оказались утраченными. Война воспрепятствовала выходу в свет подготовленного корпуса, и лишь частично материалы были использованы в послевоенных публикациях. К сожалению, текст статьи о фибулах не сохранился, но в архиве В. П. Петрова, переданном после смерти ученого в Институт археологии АН УССР, имеются подготовительные рисунки и фотографии¹

Среди них привлекают внимание изображения трех фибул крайне редкого и необычного типа для древностей Украины (Научный архив ИА АН УССР, ф. 16, № 60, фото 1—2, 7—8; 25—26; 34—55). Судя по фотографиям, это фибулы из цветных сплавов, с шарнирными креплениями игл, оси которых продеты во втулки, образованные загнутыми краями головок. Спинки их пластинчатые, круто изогнутые в профилях, «дуговидные», подтреугольные в плане, украшенные композициями из рельефных валиков и прорезей. Ножки узкие, короткие, с небольшими пластинчатыми приемниками. Обнаружение таких застежек в Поднепровье столь неожиданно, что ставит вопрос о далеких западных кон-

¹ Фотографии рассматривающихся в данной статье фибул были обнаружены Е. Л. Гроховским, представившим их рисунки, архивные данные и описания в распоряжение автора, за что последний приносит ему глубокую благодарность.

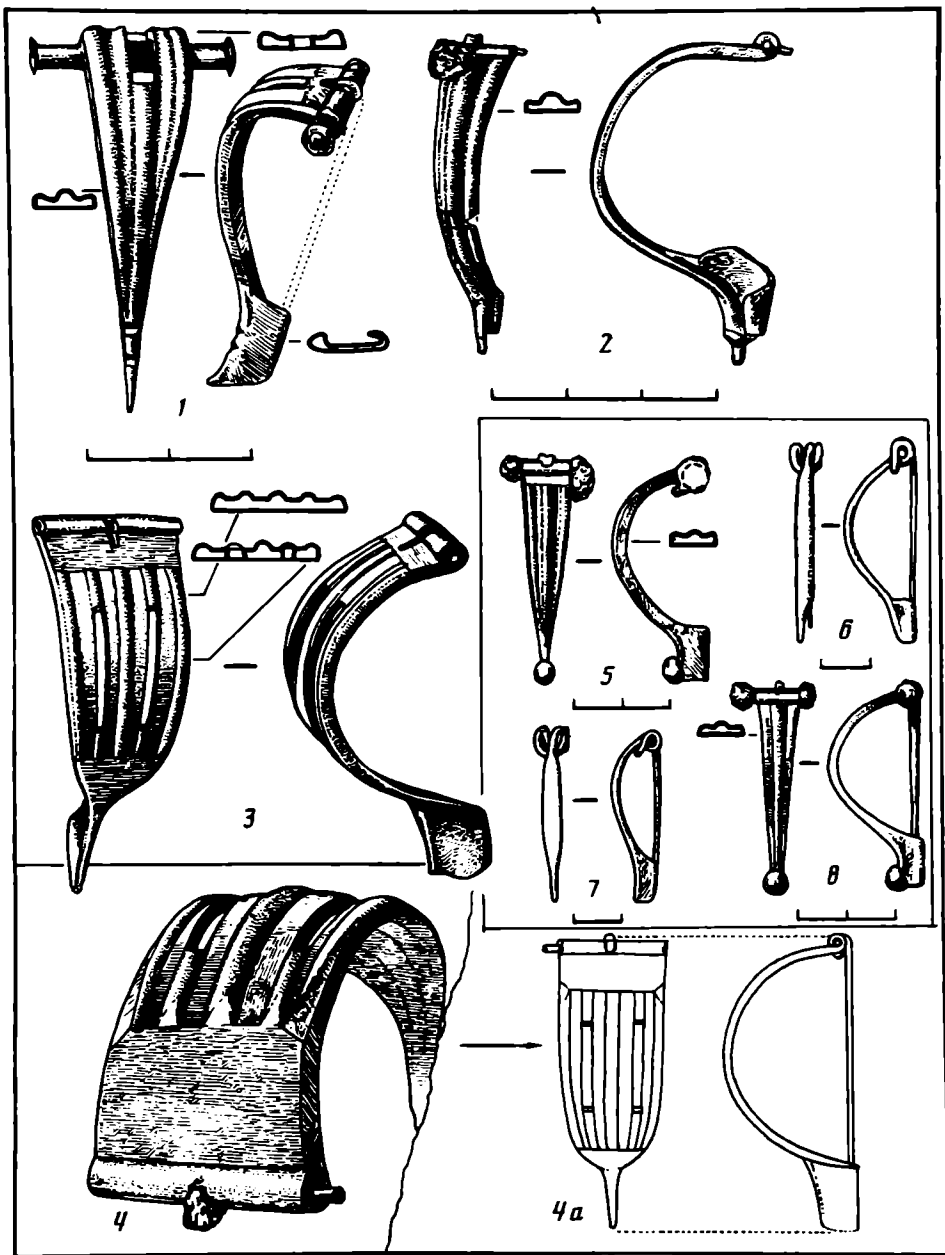

Рис. 1 Фибулы типа «Алезия» из Среднего Поднепровья и фибулы из могильника Николаевка на нижнем Днепре. 1—Научный архив ИА АН УССР, ф. 16, № 60, фото 1—2, 7—8; 2—там же, фото 25—26; 3 — там же, фото 54—55; 4 — по рисунку из альбома Ф. Ф. Кундеревича, Научный архив ИА АН УССР, ф. 14, № 101, ломаной линией показан обрыв таблицы; 4а — реконструкция фибулы из коллекции Ф. Ф. Кундеревича; 5 — Николаевка, могила 98, погр. 4; 6 — там же, погр. 2; 7 — там же, из заполнения могилы; 8 — Николаевка, могила 79. 1—3 — прорисовки по фотографиям из архива В. П. Петрова

тактах населения этого региона. Поэтому трем фибулам мы решили посвятить специальную статью.

К сожалению, сведений о конкретных пунктах и условиях их находок обнаружить пока не удалось, музейные номера на снимках неразличимы. Однако принадлежность фибул к данному географическому региону несомненна. Все определяемые фибулы других типов, помещенные на снимках В. П. Петрова, как сохранившиеся в музейных фондах, так и утраченные, но идентифицированные по инвентарным номерам, различным на фото, происходят исключительно из

разных пунктов лесостепного Поднепровья, преимущественно с территории бывших Киевской, Полтавской и отчасти Черниговской губерний. Сам принцип подбора иллюстраций к корпусу предполагал выбор вещей, найденных в ареале «полей погребений», который, по довоенным представлениям, в основном приходился на Среднее Поднепровье.

Негативы описанных фотографий разыскать пока не удалось, а качество снимков непригодно для документального воспроизведения, поэтому мы публикуем прорисовки, выполненные по снимкам художником П. Л. Корниенко.

Фибула 1 (рис. 1, 1). Игла утрачена. Корпус подтреугольный в плане. Головка широкая со втулкой, где различима ось иглы с шишечками-ограничителями на концах. Спинка пластинчатая, рифленая, с продольными желобками и валиками, образующими композицию, повторяющую очертания треугольного корпуса. В широкой части спинки вырезано продольное отверстие. Профиль спинки асимметричный, крутой у головки и более плавный у перехода к ножке. Ножка рифленая, с поперечными бороздками и валиками, несколько загнута на конце. Приемник короткий, подпрямоугольный. Судя по масштабу на фото, длина фибулы около 52, ширина головки 15 мм.

Фибула 2 (рис. 1, 2). Игла не сохранилась. Корпус более узкий, меньших размеров. Спинка с отчетливой дуговидной профилировкой, с продольным рельефным валиком, ограниченным двумя желобками по краям. Ножка с маленькой шишечкой на конце. Приемник короткий, подтреугольный, длина около 23, ширина головки 10 мм. Высота спинки в профиле 12 мм.

Фибула 3 (рис. 1, 3). Игла также утрачена. Корпус крупнее и шире, нежели у фибул 1, 2. Головка украшена поперечными желобками и валиками. Спинка «парусовидная», с продольными бороздками и валиками. Средний валик, наиболее выразительный и высокий, ограничен по сторонам двумя продольными прорезями. Переход к ножке резкий, приемник короткий. Длина фибулы около 23, ширина головки 18 мм. Фибула, аналогичная этой, изображена на акварельном рисунке вещей из коллекции Ф. Ф. Кундревича (Научный архив ИА АН УССР, ф. 14, № 101). К сожалению, край таблицы оборван и часть рисунка с ножкой утрачена. К тому же он ракурсный, и отчетливо не выявлены отверстия на спинке, так как краски несколько расплылись. Поэтому тождество предметов на рисунке и фотографии установить сложно. Но учитывая, что коллекция Кундревича после революции поступила в КГИМ, такое отождествление не исключается.

Описанные фибулы настолько характерны и выразительны во всех своих деталях, что типологически хорошо определяются и по фотографиям. Их можно отнести к так называемому типу «Алезия» выделенному в западноевропейской литературе и названному по кельтскому оппидуму Алезия, где произошла последняя битва восставших галлов Верцингеторикса с легионами Юлия Цезаря. Здесь раскопками 1871 г. был раскрыт ров с останками павших в битве воинов вместе со всей их экипировкой. Все найденные вещи были в употреблении в 52 г. до н. э., и Алезия считается одним из самых надежных пунктов, имеющих твердую абсолютную дату в системе относительной хронологии европейских древностей.

Впервые на интересующий нас тип обратил внимание О. Альмгрен в 1913 г. в специальной публикации фибул из Алезии [1]. В дальнейшем большинство специалистов рассматривали эти фибулы как один из вариантов «шарнирных дуговидных фибул» (*Scharnierbogenfibel*) или как один из вариантов типа «Ауцисса»².

² Правильнее было бы, наверное, называть их «ауцисса», потому что именно так должна была произноситься в I в. до н. э. имеющаяся на некоторых из них надпись «AVCISSA». Так произносят это слово и европейские специалисты. Но мы сохраняем принятое в советской литературе написание.

Элизабет Этлингер в своей капитальной работе по римским фибулам Швейцарии характеризует тип «Алезия» как «шарнирные фибулы с широкой пластинчатой спинкой» (*Scharnierfibel mit breitem Blechbugel*) и обозначает под № 28. Она рассматривает их или как разновидность самых ранних форм типа «Ауцисса» (№ 29, по ее классификации), или как две параллельные формы, восходящие к общему прототипу из среды пружинных застежек [2, с. 29—30].

В 1974—1975 гг. сразу два исследователя, работая параллельно и независимо друг от друга, обратились к изучению этих фибул. Сабина Рикхофф посвятила им большой экскурс в работе о фибулах римского лагеря Хюфинген [3], а Ален Дюваль — специальную статью [4]. Мнения их о датировке и происхождении этого типа разошлись, а работа Люсьена Лера по каталогизации всех фибул, найденных в Алезии, не принесла нового решения. Добавился еще один экземпляр, не известный А. Дювалю [5].

Уже О. Альмгрену было ясно, что фибулы типа «Алезия» в основном цезаревского времени и что сама шарнирная конструкция появляется в Галлии с приходом римлян. По данным С. Рикхофф, тип этот сложился на основе целой серии разнообразных застежек «отдельных форм» (*Sonderformen*), так или иначе содержащих элементы «Алезии» — треугольный корпус, шарнирную конструкцию, узкую ножку со сплошным приемником. Эти «отдельные формы» распространены в основном в Восточной Галлии, Северной Италии и Далмации, т. е. в районах, откуда рекрутировались или где действовали легионы Цезаря. Однако, по мнению исследовательницы, тип «Алезия» был создан в местной галльской среде еще до походов Цезаря.

Такое утверждение С. Рикхофф не случайно. Своей статьей она включалась в происходившую в 70-е годы дискуссию о хронологии позднего латена и раннего римского времени. Дело в том, что в ряде комплексов тип «Алезия» сочетается с пружинными наухаймскими фибулами [3, с. 22], тоже имеющими подтреугольную спинку и внешне напоминающими «Алезии». Наухаймские фибулы тогда датировали второй половиной I в. до н. э. [6]. Обоснованием этой даты служило отсутствие их в Алезии и обилие в материалах кельтского оппидума Манхинг в Баварии. Считалось, что оппидум был разрушен в 15 г. до н. э. во время оккупации Рэции римлянами, и это было отправной точкой для всех хронологических расчетов. Однако появилась серия статей, где этот тезис ставился под сомнение и доказывалось, что разрушение Манхинга произошло раньше, в связи с событиями 60—58 гг. до н. э. [7, 8]. Но тогда и наухаймские фибулы оказывались более ранними. Их отсутствие в Алезии объяснялось тем, что они женские и поэтому не попали в ров с телами воинов. С. Рикхофф поддержала идею ранней даты и внесла свою лепту в дискуссию [3, с. 28—32]. Заметила она также, что фибулы типа «Алезия» отсутствуют в лагерях, построенных Августом в 15—10 гг. до н. э. Так, в Оберхаузене среди 40 раннеримских фибул — 28 «Ауцисс» и ни одной «Алезии»; в Халтерне найдено 102 фибулы, одну треть составляют «Ауциссы» и нет «Алезий»; в Асберге — 298 фибул, и лишь одна «отдельная форма», близкая «Алезии»; та же картина в Дангштеттене: на 259 фибул всего дюжина переходных форм от «Алезий» к «Ауциссам» и т. д. [3, с. 22].

А. Дюваль подошел к проблеме происхождения фибул типа «Алезия» проще. Он считает их родиной Испанию, поскольку именно там раньше всего появилась и широко распространилась шарнирная конструкция фибул. В Галлию же они, по его мнению, безусловно попали вместе с легионерами Цезаря [4]. В Алезии они найдены не на самом оппидуме, а во рву римского лагеря у горы Реа [4, с. 67; 9, с. 90]. На одной из них имеется изображение пальмовой ветви, кадуцея и латинская надпись AXI [4, рис. 4]. Имена людей именно с такой сигнатурой А. Дюваль находит в надписях Иберийского полуострова [4, с. 73]. Другая фибула из Алезии украшена изображениями взлетающего орла, дельфина и пучком молний Зевса — символами легионов со времен Мария [4, рис. 5]. Сочетание же всех трех символов вместе встречается лишь единожды — на

монетах, чеканенных проквестором помпеянской армии в Испании Варроном [4, с. 73—75]. Таким образом, связь находок в Алезии с римским воинским контингентом, возможно стоявшим до того в Испании, представляется вполне правдоподобной. Как известно, в 53 г. до н. э. Помпей «дружески» послал один из испанских легионов Цезарю (Цезарь. Галльские войны, 6, 1).

Число закрытых надежно датированных комплексов с фибулами типа «Алезия», по А. Дювалю, невелико, и они дают следующие даты: Тулуза — третья четверть I в. до н. э.; Губиаско — с монетой Октавиана 41—46 гг. до н. э.; могильник Педемонт — между 20 гг. до н. э. — 10 г. н. э. В результате французский исследователь датировал эти фибулы второй половиной I в. до н. э. вплоть до начала I в. н. э. [4, с. 72].

В итоге можно сказать, что надежных прототипов не удалось отыскать ни тому, ни другому. Вопрос о происхождении фибул типа «Алезия» остается открытым. Позиция А. Дюваля в отношении обстоятельств их появления в Галлии выглядит убедительнее, если допустить, что застежки этого рода были распространены не столько в римской регулярной армии, сколько в среде галльских или испанских ауксильриев. Хотя пик бытования наухаймских фибул и предшествует типу Алезия, но в цезаревское время они сосуществовали. Попадание их в одни комплексы неудивительно.

В отношении же верхней даты более убедительна позиция С. Рикхофф. Поскольку фибул типа «Алезия» нет в лагерях, построенных в ходе германской кампании 15—9 гг. до н. э., причем построенных легионами, переброшенными именно из Испании, можно думать, что застежки этого типа к 15 г. до н. э. уже вышли в их среде по большей части из моды.

В целом фибулы «Алезия» являются одним из проявлений широко распространенной моды на треугольные пластинчатые застежки, конструкция которых варьировала в зависимости от среды, где они бытовали. Это и упоминавшиеся наухаймские, и весьма своеобразные дакийские [10, рис. 27, 33, 34, 40], и наши зарубинецкие поздних вариантов [11]. В римскую провинциальную солдатскую культуру эта латенская мода пришла с некоторым запозданием и выразилась в виде фибул типа «Алезия». Они имеют достаточно надежную узкую дату: появились где-то перед 52 г. до н. э. и были в ходу приблизительно до 15 г. до н. э., трансформировавшись постепенно за последние два десятилетия I в. до н. э. в тип «Ауциссы». У нас нет особых оснований думать о сколько-нибудь широком бытовании их ранее 50-х годов до н. э., за исключением, быть может, Испании, и позже рубежа новой эры, за исключением, быть может, Далмации, где З. Марич относит их к фазе Уб, датируемой 35 г. до н. э. — 10/20 гг. н. э. [12, с. 47—48, табл. XVIII, 7, 31, 41].

Их распространение достаточно хорошо увязывается с политической ситуацией и передислокациями римских войск. С армиями Цезаря или Помпея они могли попасть в Грецию [13, табл. 65, 1142] во время гражданской войны в 48 г. до н. э. Единственная находка в Румынии [14, с. 108, табл. 5, 11] может оказаться свидетельством участия дакийских контингентов на стороне Марка Антония в войне против Октавиана в 31 г. до н. э. Во время завоевания Среднего Подунавья Тиберием в 15—12 гг. до н. э. они могли попасть на территорию современной Венгрии [14, с. 194, табл. 5, 12—13] и Словакии [15, табл. X, 7], в том числе и к носителям пуховской культуры [16, рис. 3, 4, с. 289]. За время бытования фибул типа «Алезия» у римлян было несколько столкновений с германцами, и находка такой фибулы в Дании не вызывает удивления [17, с. 36, рис. 8].

Конечно, пути проникновения этих вещей к варварам могли быть самыми разнообразными. Их связь непосредственно с историческими событиями отнюдь не обязательна, хотя и не исключена. Дальше догадок здесь пойти невозможно.

Каким же образом фибулы типа «Алезия» оказались в Среднем Поднепровье? Можно предположить по крайней мере четыре варианта.

1. Они могли быть занесены во время рейда Марка Красса Младшего в глубь территории бастарнов в 29 г. до н. э. Это еще не означает, однако, что легионы Красса достигали и Среднего Поднепровья.

2. Фибулы могли попасть и через сарматов, впервые прорвавшихся через дунайскую границу империи в 16 г. до н. э. Не являются ли свидетельством их глубокого рейда по территории Мёзии находки ложечковидной норико-паннонской золотой фибулы с ажурным приемником в сарматском погребении «Соколова могила» на Южном Буге [18, рис. 5, 15] и двух бронзовых той же группы из района Козырки близ Ольвии (экспозиция Археологического музея АН УССР, зал 2)? Об этом же, вероятно, могут свидетельствовать еще две находки фибул типа «Алезия» в Поднепровье (рис. 1, 5, 8). Они обнаружены при раскопках некрополя Николаевского городища на Нижнем Днепре в могилах 79 и 98 [19, табл. II]. При этом в склепе 98 фибула «Алезия» происходит из более раннего погребения (рис. 1, 5), тогда как более позднее содержало пластинчатую дуговидную позднелатенскую «воинскую фибулу» (рис. 1, 6). Следовательно, в Поднепровье интересующий нас тип застежек попадает не позднее, нежели здесь были в моде разные варианты «воинских» фибул, характерных и для зарубинецкой культуры.

3. Скорее всего именно носители этой культуры были последними владельцами публикуемых нами «Алезий» в Среднем Поднепровье. Зарубинецкая культура как раз переживала последнюю пору своего расцвета. Именно в это время обнаруживается ряд свидетельств о контактах с далекими областями Верхнего Подунавья и Порейнья. О них свидетельствуют, например, находки шарнирных шипцовых фибул [20, табл. 27, 2], одна из которых обнаружена в погр. 152 Чаплинского могильника [21, рис. 47, 12]. По С. Рикхофф, шипцовые фибулы в зоне юго-восточных Альпийских предгорий, в верховьях Рейна и Дуная характеризуют «переходный горизонт» от этапа с наухаймскими фибулами, заканчивающегося событиями 60—58 гг. до н. э. (изгнание бойев и теврисков даками Бурбисты, нашествие германцев Ариовиста и начало римского завоевания Галлии), к горизонту раннеримских лагерей, построенных в ходе первой германской кампании Августа (13—9 гг. до н. э.). К переходному горизонту, судя по корреляционной таблице С. Рикхофф, относятся и фибулы типа «Алезия». Датирует она его 60—20 гг. до н. э. [4, рис. 8, с. 30].

Автор предлагает именовать этот «переходный горизонт» ступенью А₁ римского времени, а следующий — ступенью А₂. Римское влияние тогда было ощутимо только на левом берегу Рейна и на правом берегу Верхнего Дуная. Остальная варварская Европа продолжала жить еще в эпоху латена D и «позднего предримского времени». Для нее римское время наступит лишь со ступенью В_{1а}, после договора царя маркоманнов Маробода с римлянами в 6 г. н. э., когда первая «чешская» волна римских импортов хлынула в Европу [22]. Для территории Словакии римское время наступит несколько позже, после краха Маробода в 19 г. н. э., со второй, «словацкой» волной импорта, а для территории Польши (и, вероятно, Украины) еще позже — в 40—60-х годах н. э. [23—25].

О контактах носителей зарубинецкой культуры во второй половине I в. до н. э. с варварами междуречья верхнего Рейна и Дуная свидетельствует еще одна находка — обломок ажурного поясного крючка второй группы, по классификации Т. Фойгта [26], из погр. 3 Субботовского могильника [27, табл. XXV, 1]. Крючки эти во второй половине I в. до н. э. были широко распространены в междуречье Эльбы и Рейна, в Чехии и в Верхнем Подунавье (рис. 2).

Возможно, с этим же культурным импульсом связан переход носителей зарубинецкой культуры к фибулам позднелатенской конструкции, являющимся, с одной стороны, дериватом прогнутых центральноевропейских фибул вариантов М—N—O, по Ю. Костшевскому [28, рис. 23, 24], с другой стороны, напоминающим меньшей прогнутостью дужки и сплошным приемником простые одночленные «проволочные» римские фибулы упомянутой ступени А [4, рис. 4].

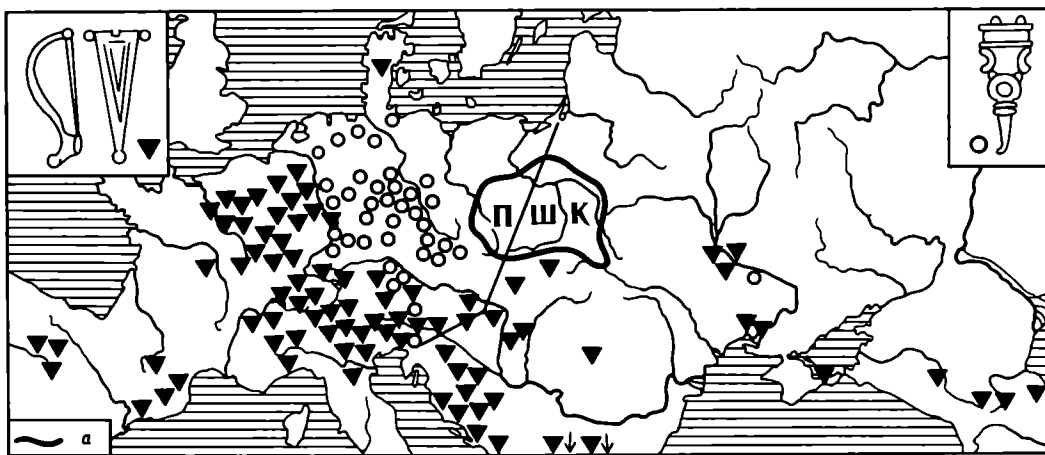

Рис 2. Схема распространения фибул типа «Алезия» (по С. Рикхофф, с добавлениями автора) и поясных ажурных крючков (по Т Фойгту) ПШК — пшеворская культура; а—янтарный пу

Осуществлялись эти контакты и позже, непосредственно на рубеже эр и в первые десятилетия I в. н. э. Они фиксируются находками так называемых «фибул бойев» в Велемицах [29, рис. 19, 23, 24], фибулами «Альмгрен 68» в Гришинцах [30, рис. 8, 5], а также фибулой «Альмгрен 236» в Марьяновке и «Ауциссой» в Рахнах на Южном Буге [31, рис. 3, 13, 7, 2], и длинной восьмерковидной пряжкой типа U, по К. Раддату [32], в Почепе [33, рис. 14, 23]

Автор уже высказывал предположение, что перечисленные факты могут объясняться попытками жителей Верхнего и Среднего Подунавья найти обходной путь по Днепру — Березине — Неману за прибалтийским янтарем, минуя территорию пшеворской культуры [34], которая по каким-то причинам на поздних стадиях «позднего предримского времени», синхронных в данном случае ступени VI_{1a} более южных районов, представляла собой замкнутое культурное единство без выраженных южных связей. Традиционный янтарный путь оказывался перекрытым [23, с. 145—146]

Ситуация изменилась лишь к середине I в. н. э.: зарубинецкая культура пострадала от сарматского нашествия, и обстановка в Поднепровье сложилась, вероятно, напряженная [35] Буферное «государство» Ванния на территории Словакии было разбито северными соседями гермундурами и лугиями (Тацит. Анналы, XII, 29, 30), вошедшими в непосредственный контакт с римлянами. Затем нероновской администрации путем специальных дипломатических усилий удалось возобновить торговлю по старому янтарному пути (Плиний, XXXVII, 45) [36, 37] Необходимость поиска обходных путей отпала.

Некоторые наблюдения типологического характера позволяют в какой-то мере уточнить и возможное время попадания фибул типа «Алезия» в Среднее Поднепровье. Если все три фибулы — результат одного и того же культурного импульса, то попали они сюда уже в конце существования этого типа. Из них лишь одна (№ 1) представляет классический вариант «Алезий». Две другие несут на себе черты, свойственные уже фибулам типа «Ауцисса». Треугольная форма спинки уже не так выражена, прогиб ее более симметричен, у одной из них (№ 3) отчетливо выделена пластинка на головке, где позже появится надпись. Продольные прорезы на спинке характерны для варианта «Ауцисс», называемых типом «Багендон» и относящихся к I в. н. э. [38, с. 61, рис. 23, 10] Таким образом, можно допустить, что фиксируемый публикуемыми фибулами контакт обитателей Среднего Поднепровья с далеким западом приходится на 20—10-е годы I в. до н. э.

4. На этом загадки распространения фибул типа «Алезия» не кончаются. Целая серия их засвидетельствована в Осетии и Дагестане [20, табл. 4, 22, 23,

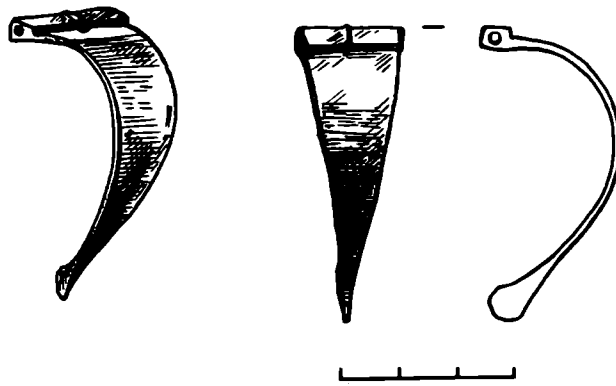

Рис. 3. Фибула из кургана 1 Зубовского хутора

с. 27] Та же треугольная спинка с продольным рифлением, та же шарнирная конструкция («с откидной иглой»).

Условия находки их в Камунте и Кумбулте неизвестны, а ряд экземпляров из Карабудахкентского могильника К. Ф. Смирнов [39] и А. К. Амброз относили ко II—III вв. н. э. Подозревать конвергентное возникновение и развитие такой формы и конструкции трудно, и встает вопрос о пересмотре начальной даты этого могильника, тем более что большая часть интересующих нас фибул происходит из разрушенных погребений — из «слоя могильника» [39, с. 171, рис. 4, 53, 157, 37, 5]. Или их положение в погребении неопределенно [39, с. 214, рис. 39, 130] Но тогда возникает вопрос и о пересмотре ранней даты причерноморских сильнопрофилированных фибул варианта 1—3, по А. К. Амброзу [20, с. 41], поскольку одна из них найдена в Карабудахкенте вместе с «Алезией» [39, рис. 38, 110, 111]. Или же придется допустить, что здесь мы имеем дело с переживанием и более поздней имитацией провинциально-римских застёжек. Их различает и одна мелкая деталь: у галльских трубочка для крепления оси шарнира чаще загнута вниз, а у кавказских вверх. Имеются, впрочем, и исключения.

Можно лишь догадываться, каким образом застёжки плащей римских ауксилариев попали на Кавказ. Их не было еще во время митридатских войн и операций на Кавказе Помпея в 66—63 гг. до н. э., и они уже вышли из моды к тому времени, когда с середины I в. н. э. присутствие римлян на Боспоре и Кавказе становится ощутимым. Остаются две возможности: или неудачный парфянский поход Марка Антония в 36 г. до н. э., действовавшего в северной Армении, или попытка Митридата Пергамского, союзника и друга Юлия Цезаря, захватить в 46 г. до н. э. боспорский трон, предназначенный ему диктатором. Войско Митридата, куда могли входить и вспомогательные соединения цезаревской армии, было разбито в горах Кавказа боспоритами и местными племенами.

Вероятно, с последними событиями можно было бы связать и находку в Пантикапее в кургане Ак-Бурун еще одной фибулы типа «Алезия», золотой, с крупным шаром на конце ажурной ножки. Близкая аналогия ей — в Мон Бери во Франции [4, рис. 2, 5]. Включение этой фибулы, хранящейся в Античном отделе Особой кладовой Эрмитажа (Инв. № АК-Б. 13), в состав комплекса IV в. до н. э. из Ак-Буруна, очевидно, результат недоразумения.

Еще одна бронзовая фибула типа «Алезия» (рис. 3) оказалась в комплексе известного Зубовского кургана на Кубани [40, с. 94—100] (Инв. № ГЭ ОИПК 2234/22).

Е. Л. Гороховский, изучая пути поступления римских провинциальных фибул в Северное Причерноморье, заметил, что самые ранние из них — «Ауциссы», круглые и ромбические броши, фибулы «Альмгрен 67 и 236» («Алезии» в этом контексте не рассматривались) — сосредоточены по преимуществу на

Кавказе и Боспоре. В Крыму, Ольвии и Тире они единичны. Первая стадия проникновения римских фибул датируется им первой половиной — серединой I в. н. э. [41]. В таком случае римские вещи, найденные в Среднем Поднепровье, могли попасть туда и кружным путем: они были занесены сарматами, победившими около середины I в. н. э. племена зарубинецкой культуры и занявшими часть их земель. В сарматских погребениях Среднего Поднепровья римский импорт представлен достаточно обильно [35, 42]. Если учесть введение римских войск в Пантикапей в 45 г. н. э. и участие их в аорсо-сиракском конфликте 49 г. н. э. (Тацит. *Анналы*, XII, 15), то такое предположение о пути проникновения импорта становится достаточно реальным. В движении на запад могли участвовать и те сарматские группировки Северного Кавказа, где уже употреблялись и имитировались полученные ранее фибулы типа «Алезия».

Ни одна из четырех предложенных версий пути попадания фибул типа «Алезия» в Среднее Поднепровье еще не может удовлетворить нас полностью. Автор, однако, и не ставил перед собой такой задачи. Он хотел лишь привлечь внимание исследователей к этим интересным находкам и к связанным с ними проблемам, в частности к вопросу о далеких западных связях зарубинецкой культуры на рубеже нашей эры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Almgren O.* Fibules d'Alesia et de Bibracte // *Opuscula Archeologica*. Oscari Montelio septuagenario digata. Halmiai, 1913.
2. *Ettlinger E.* Die römische Fibeln in der Schwiz. Bern, 1973.
3. *Rieckhoff S.* Münzen und Fibeln aus dem Vicus des Kastells Hüfingen // *Saaleb. Jahrb.* 1975. B. 32.
4. *Duval A.* Un type particulier de fibule gallo-romaine précoce: la fibule «Alesia» // *Antiquite Nationales*. 1974. V. 6.
5. *Lerat L.* Les fibules d'Alesia. Dijon, 1979.
6. *Werner J.* Die Naucheimer Fibel // *JRGZM*. 1955. Jg 2.
7. *Glusing P.* Frühe Germanen südlich der Donau. Zu ethnischen Deutung der spätlatènezeitlichen Grabfunde von Uttenhoffen und Kronwinkl in Niederbayern // *Offa*. 1964—1965. B. 21—22.
8. *Christlein R.* Datierungsfragen der spätlatènezeitlichen Brandgräber Südbayerns // *Bayerische Vorgeschichtsbl.* 1964. Jg 29. Hf. 1—2.
9. *La Gall J.* Alesia. Archeologie et histoire. Fayard, 1963.
10. *Florescu R.* Arta Dacilor București: Editura Merediana, 1968.
11. *Каспарова К. В.* О фибулах зарубинецкого типа // *АСГЭ*. 1977. Вып. 18.
12. *Marić Z.* Japodske necropole u dolini Une // *Glasnik zemalskogo Musea Bosne i Hercegovine u Sarajevu*. Archeologia. N. S. 1968. Sv. 23.
13. *Furtwangler A.* Die Bronzen und übrigen kleineren Funde von Olympia // *Olympia*. 1890. B. 4.
14. *Patek E.* Verbreitung und Herkunft der römischen Fibeltypen in Pannonien. Budapest, 1942.
15. *Lamiová-Schmiedlová M.* Spony z doby rimskej na Slovensku // *Študijne zvesti AUSAV* 1961. Č. 5.
16. *Pieta K.* Zu Besiedlungsproblem in der Slowakei an der Wende der Zeitrechnung. Symposium: Ausklang der Latène-Zivilization und Anfänge der Germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet. Bratislava, 1977.
17. *Klindt-Jensen O.* Foreign Influences in Denmark's Early Iron Age. København, 1949.
18. *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение в Соколовой могиле (предварительная публикация) // *Скифия и Кавказ*. Киев: Наук. думка, 1980.
19. *Сымонович Э. А.* Отчет о работах Тилигуло-Днепровского отряда Института археологии АН СССР. Николаевский могильник на Нижнем Днепре // *Архив ИА АН УССР Ф. 3*. 1969/67. № 5569.
20. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР // *САИ*. 1966. Вып. Д1-30.
21. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск, 1973.
22. *Wołagiewicz R.* Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju // *Archeol. Polski*. 1970. T. 15. Z. 1.
23. *Liana T.* Kształtowanie się stylu B₁ w kulturze przeworskiej // *ZNUJ*. 1976. T. 422. Prace Archeol. Z. 22.
24. *Dąbrowska T.* Początek okresu wpływów rzymskich w Polsce Wschodniej // *ZNUJ*. 1976. T. 422. Prace Archeol. Z. 22.
25. *Каспарова К. В.* Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // *АСГЭ*. 1984. Вып. 25.

26. *Voigt T* Zwei Formengruppen spätlatènezeitlicher Gürtel // *JMV* 1971. В. 55.
27. *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев: Наук. думка, 1972.
28. *Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit // *Mannus-Bibliothek*. 1919. № 18—19.
29. *Каспарова К. В.* Зарубинецкий могильник Велемичи II // *АСГЭ*. 1972. Вып. 14.
30. *Петров В. П.* Зарубинецкий могильник (По материалам раскопок В. В. Хвойки) // *МИА*. 1969. № 70.
31. *Хавлюк П. Ї.* Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // *Археологія*, 1971. Вип. 4.
32. *Raddatz K.* Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck // *Offa-Bücher*. 1957. В. 13.
33. *Заверняев Ф. М.* Почепское селище // *МИА*. 1969. № 160.
34. *Щукин М. Б.* Зарубинецкая культура, янтарный путь и вены // Краткие тез. докл. науч. конф. Отд. истории первобытной культуры «Контакты и взаимодействия древних культур». Л., 1981.
35. *Щукин М. Б.* Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // *АСГЭ*. 1972. Вып. 14.
36. *Okulicz J.* Powiązania pobraża wschodnieigo Baltiku i centrum sambijskiego z południem w podkresie wczesnorzymskim // *ZNUJ*. 1976. Т. 422. *Prace Archeol. Z.* 22.
37. *Kolnik T.* Rimski napis z Boldogu // *SIA*. 1977. R. 25—2.
38. *Collis J.* Defended Sites of the Late La Tène // *BAR*. 1975. Suppl. Ser. 2.
39. *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могилы албано-сарматского времени у села Карабудахкент // *Материалы по археологии Дагестана*. Т. 2. Махачкала, 1961.
40. *Раскопки курганов на Зубовском хуторе Кубанской области* // *ИАК*. 1901. Вып. 1.
41. *Гороховский Е. Л.* Римские провинциальные фибулы в Северном Причерноморье (хронология и периодизация) // *Проблемы исследования Ольвии*. Тез. докл. и сообщений семинара. Парутино, 1985.
42. *Симоненко А. В.* Сарматы в Среднем Поднепровье // *Древности Среднего Поднепровья*. Киев, 1981.

M. B. Shchukin

FIBULAE OF THE ALEZIA TYPE IN THE MIDDLE DNEIPER AREA
AND SOME OF THE PROBLEMS OF THE ROMAN-BARBARIAN
CONTACTS AT THE TURN OF A. D.

S u m m a r y

The author publishes three fibulae known from the photographs from V. Petrov's archives who, before the Second World War, collected materials of the Roman time in the Middle Dnieper. Nobody knows where the original fibulae are found. They were popular between 52 and 15 B. C. with Gaulic and Spanish auxilaria of the Roman army from whom barbarians got them. The fibulae might have gotten to the Dnieper basin by one of four ways: (1) during Mark Crassus' march inside the Bastarnae territory in 29 B. C.; (2) through the Sarmatae who in 16 B. C. broke through into the Empire territory; (3) through the population of the Upper and Middle Danube which in the second half of the 1st century B. S. were reconnoitering a new amber route to avoid the territory of the Przeworsk culture; (4) with the westward movement of the Caucasian Sarmatae who, in their turn, got the fibulae when the army of Mithridates of Pergamum was defeated in 46 B. C.